

5.2.3. РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА
(ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 332

DOI: 10.53914/issn2071-2243_2025_4_167

EDN: SDBFWU

**Оценка бюджетно-инвестиционных ресурсов реализации
политики промышленного суверенитета РФ: региональный подход**

Ирина Валентиновна Данилова¹, Наталья Юрьевна Коротина²,
Виктория Павловна Деева^{3✉}

^{1, 2, 3} Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

³ deevavp@susu.ru✉

Аннотация. Анализируется ресурсная достаточность российских индустриальных регионов для участия в реализации политики перехода к промышленному суверенитету. Объектом исследования выбраны регионы, в которых ведущей отраслью промышленности является обрабатывающая с различными структурой, бюджетной обеспеченностью и уровнем технологичности производства. Цель исследования заключалась в разработке индикаторов и оценке достаточности бюджетно-инвестиционных ресурсов регионов для реализации политики промышленного суверенитета России. Исследование базировалось на теории государственного сектора и эффективности бюджетных расходов, применялись методы территориальной компоновки, систематизации и сравнительного анализа. Систематизированы ресурсы развития обрабатывающей промышленности регионов с позиции масштаба инвестиций и целевого фокуса программных расходов. Агрегированная оценка ресурсов позволила определить, что только 7% индустриальных регионов характеризуются ресурсной достаточностью по принятым бенчмаркам для результативного участия в укреплении промышленного суверенитета, в большинстве регионов (67%) наблюдается компенсаторное увеличение поддержки со стороны бюджетных источников ограниченных инвестиционных ресурсов. Выявлены значительная неоднородность в ресурсной обеспеченности индустриального развития регионов, различия региональных ситуаций с точки зрения соответствия/отклонения от условных бенчмарков; установлено, что условия, наиболее способствующие достижению промышленного суверенитета, сложились в регионах с профильными программами государственной поддержки промышленности и совмещенными программами развития нескольких отраслей, включая промышленность. Результаты исследования вносят вклад в понимание необходимости сбора сводной информации в территориальном разрезе, разработки индикаторов и механизма мониторинга, системы обратной связи и фильтрации программных расходов для повышения результативности в достижении самодостаточности промышленного развития.

Ключевые слова: промышленный суверенитет, государственная поддержка регионов, программные расходы, налоговые расходы, бюджетно-инвестиционные ресурсы, обрабатывающая промышленность

Финансирование: статья подготовлена по результатам исследования, поддержанного Российским научным фондом, номер проекта 25-18-20044 (<https://rscf.ru/project/25-18-20044/>), и Правительством Челябинской области.

Для цитирования: Данилова И.В., Коротина Н.Ю., Деева В.П. Оценка бюджетно-инвестиционных ресурсов реализации политики промышленного суверенитета РФ: региональный подход // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2025. Т. 18, № 4(87). С. 167–182. https://doi.org/10.53914/issn2071-2243_2025_4_167-182.

5.2.3. REGIONAL AND SECTORAL ECONOMICS
(ECONOMIC SCIENCES)

Original article

**Assessment of budgetary and investment resources for
the implementation of the industrial sovereignty policy
of the Russian Federation: a regional approach**

Irina V. Danilova¹, Natalia Yu. Korotina², Victoria P. Deeva^{3✉}

^{1, 2, 3} South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

³ deevavp@susu.ru✉

Abstract. The authors discussed resource sufficiency of Russian industrial regions for participation in the implementation of the policy of transition to industrial sovereignty. The objects of the study were the regions of the manufacturing industry with different structures, budgetary security and level of production technology. The purpose of the study was to develop indicators and assess the sufficiency of budgetary and investment resources

of the regions for the implementation of the industrial sovereignty policy of the Russian Federation. The study was based on the theory of the public sector and the effectiveness of budget expenditures; methods of territorial layout, systematization and comparative analysis were used. As a result of the study, the resources for the development of industry in the regions were systematized from the standpoint of the scale of investments and the target focus of program expenditures. An aggregated assessment of the resources of the regions made it possible to determine that only 7% of industrial regions are characterized by resource sufficiency according to the adopted benchmarks for effective participation in strengthening industrial sovereignty; in most regions (67%) there is a compensatory increase in support from budgetary sources of limited investment resources. The authors revealed significant heterogeneity in the resource endowment of industrial development in regions, differences in regional situations in compliance/deviation from conditional benchmarks and defined that the conditions most conducive to achieving industrial sovereignty have developed in regions with specialized programs of state support for industry and combined programs for the development of several branches, including industry. The results of the study contribute to understanding the need of collecting consolidated information in a territorial context, developing indicators and a monitoring mechanism, a feedback system and filtering of program costs for enhancing the efficiency at achieving self-sufficiency in industrial development.

Keywords: industrial sovereignty, state support to regions, program expenditures, tax expenditures, budgetary investment resources, manufacturing industry

Funding: the paper was prepared based on the results of research supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-18-20044 (<https://rscf.ru/project/25-18-20044/>), and by the Government of Chelyabinsk Oblast.

For citation: Danilova I.V., Korotina N.Y., Deeva V.P. Assessment of budgetary and investment resources for the implementation of the industrial sovereignty policy of the Russian Federation: a regional approach. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Vestnik of Voronezh State Agrarian University*. 2025;18(4):167-182. (In Russ.). https://doi.org/10.53914/issn2071-2243_2025_4_167-182.

Введение

Глобальный курс на повышение экономической независимости стран связан с изменением международных связей в области технологий, цифровых и инновационных услуг, логистики и поставок инвестиционных товаров. Фокусом развития стал ориентир на повышение самодостаточности экономики в целом и промышленного сектора в частности, формирование «промышленного суверенитета» стран, что предполагает интенсификацию резервов производственного потенциала (инновационного, исследовательского, инфраструктурного и др.), расширение спектра компетенций индустриальных специализаций как способности к производству стратегически важной продукции, наличие высокотехнологичной промышленности, механизмов стабилизации в интересах снижения последствий технологических и торговых рестрикций. В современных условиях глобальная трансформация сопровождается негативными эффектами: локализацией инновационных процессов, обострением международной технологической и цифровой конкуренции, ограничением торговли высокотехнологичными услугами, интенсивностью и длительностью санкций. Перечисленные обстоятельства определили необходимость расширения набора концептуальных подходов к рассмотрению приоритетов и функций государственного регулирования [7, 14, 15].

В научном сообществе вновь возрос интерес к теории государственного сектора (а именно к теории «провалов рынка» и неэффективности расходов), фиксируется отставание экономики развитых стран в технологическом развитии [16], обосновывается необходимость, с одной стороны, увеличения государственных расходов и контроля в сегменте «рынка технологий» (критических, ключевых, стратегических), с другой – разработки инструментов стимулирования предпринимательского сектора [18]. Зарубежные авторы [15, 22] концентрируют внимание на кардинальной трансформации роли государства и государственной промышленной политики, а также на каналах расходов и поддержки суверенитета в технологической, цифровой и прочих сферах промышленности с обязательным мониторингом результативности проектов и программ, эффективности расходов [17].

Общемировые тенденции также находят отражение в теоретических исследованиях российских ученых, посвященных проблемам трансформации промышленной политики страны и регионов, инструментам поддержки ключевых отраслей. Основной сферой промышленного обновления России являются обрабатывающие производства,

неравномерно распределенные в экономическом пространстве, а также имеющие различные потенциалы участия в процессе укрепления промышленного суверенитета. В силу этого исследовательское направление данной статьи связано с диагностикой ресурсной (бюджетно-инвестиционной) достаточности перехода индустриальных регионов на платформу развития промышленного суверенитета.

Объектом исследования выбраны индустриальные регионы с разной отраслевой структурой, бюджетной обеспеченностью и технологичностью производства.

Целью исследования является разработка индикаторов для оценки достаточности бюджетно-инвестиционных ресурсов регионов для реализации политики промышленного суверенитета РФ.

Гипотеза исследования заключается в том, что субъекты РФ отличаются по уровню достаточности и качественным характеристикам бюджетно-инвестиционных ресурсов (инвестиций и государственной поддержки в формате программных и налоговых расходов) для обеспечения промышленного суверенитета национальной экономики. Учет данных бюджетно-инвестиционных ресурсов регионов расширяет возможности мониторинга и спецификации программных расходов, направленных на достижение самодостаточности промышленного развития.

Актуальные тренды бюджетной поддержки промышленного суверенитета

Ключевой задачей промышленной политики России на современном этапе является достижение промышленного суверенитета как способности обеспечить самодостаточность промышленного сектора экономики и снижение технологической и ресурсной зависимости экономики в условиях высокой неопределенности. Государственная промышленная политика в современных исследованиях рассматривается как комплекс мер, направленных на оптимизацию отраслевой структуры и коррекцию параметров воспроизводства в соответствии с постиндустриальным направлением развития [19, 25] и предполагающих переход от минимизации государственного участия [16, 25] к стратегической поддержке и финансированию развития высокотехнологичных (наукоемких) отраслей.

Возникшие технологические сдвиги обусловили необходимость обоснования новых промышленных стратегий и механизмов бюджетной поддержки, которые приняты в большинстве развитых и развивающихся стран:

- «Промышленная стратегия Великобритании: создание Великобритании, подходящей для будущего» (2017 г.) [23];
- Национальная промышленная стратегия Германии до 2030 («Индустрия 4,0» [34]);
- «Корейский новый курс» [6];
- «Закон об американском плане спасения» [4];
- программа модернизации китайской промышленности «Сделано в Китае 2025» [27];
- стратегия «Видение Саудовской Аравии: 2030» [3] и др.

В России также создана и постоянно развивается институциональная база промышленного развития: принят комплекс нормативно-правовых актов, в том числе Указ Президента РФ «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (от 28.02.2024 № 145) [11], созданы институты финансовой поддержки (Фонд развития промышленности, Фонд содействия инновациям, Агентство технологического развития РФ и др.), активизированы национальные проекты и программы. Для экономики России проблема формирования политики промышленного суверенитета имеет пространственное измерение, что обусловлено дифференциацией технологического развития регионов и, соответственно, предполагает разработку территориально ориентированных решений, учитывающих информацию о бюджетной емкости, инвестиционном потенциале, промышленных компетенциях субъектов, их функциональных и производственных возможностях.

Вследствие федеративного типа устройства и пространственной неоднородности России особую актуальность приобретает анализ регионального разреза государственной поддержки трансформации промышленности [5] и дезагрегирования целей достижения промышленного суверенитета с учетом уровня развития индустрии и доходов территорий. Применение разнообразного инструментария прямых и косвенных мер [1], разномасштабных по объемам расходов поддержки вертикальных решений (нацеленных на создание и стимулирование новых сфер и секторов экономики [29]) и горизонтальных мер (направленных на эффективную работу рынка в части инвестиций в технологии, исследования, промышленную инфраструктуру [33, 35]) затрудняет проведение оценки (с позиции региональной локализации) ввиду многоканальности ресурсов развития и непрозрачности аналитических данных. В связи с этим возникает необходимость диагностики и мониторинга агрегированной региональной результативности, верификации достижения стратегических приоритетов, что особенно актуально для территориально емких федераций или интеграций, имеющих, помимо централизованных, относительно автономные ресурсы роста.

На основе применения комплексного подхода к мониторингу эффективности экономической политики стран – членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) руководящим органом – советом представителей – разработан проект «Количественная оценка промышленных стратегий стран ОЭСР» [30], цель которого заключается в измерении и сравнении расходов бюджетов государств на промышленную политику, а также анализе затрат и выгод политики на уровне производственных процессов с учетом регулирующих инструментов.

Традиционно результативность промышленной политики оценивается по показателям экономического роста и производительности [26], поступлениям налога на прибыль и снижению задолженности по кредитам [5], но не менее важной частью анализа является оценка достаточности совокупных ресурсов, концентрируемых территориями [28, 33]: масштабы проектных и программных бюджетных расходов, а также налоговые расходы, льготные целевые кредиты, гарантии и др. [19]. Наличие разных бюджетных источников и многообразие форматов поддержки определяют необходимость разработки системы диагностики, включающей оценку как федерального участия (т. е. доли государственной собственности и расходов бюджета в развитии промышленности [7]), так и региональной финансовой поддержки индустриальной сферы. Помимо перечисленного выше также необходима разработка системы организационных и статистических мер.

В странах ОЭСР мониторинг расходов на промышленную политику проводится в соответствии с принципами, закрепленными в следующих проектах:

1) STIP Compass – «совместная инициатива Европейской комиссии и ОЭСР, направленная на сбор в одном месте количественных и качественных данных о национальных тенденциях политики в области науки, технологий и инноваций» [35];

2) MicroBeRD+, направленный на анализ структуры, распределения и концентрации НИОКР в бизнесе, источников финансирования НИОКР и государственной поддержки инноваций [30];

3) Scoreboard State Aid Data – инструмент сбора статистических данных, применяемый с 2020 г., включающий интерактивное информационное табло, позволяющее анализировать продвижение индустрий и структуру государственной поддержки, систематизировать информацию по целям, странам и инструментам политики [32].

Безусловно, такие бенчмарки могут быть адаптированы при проведении мониторинга развития промышленности в субъектах Российской Федерации.

Очевидной научной и прикладной проблемой является отсутствие пороговых значений достаточности бюджетных средств для динамизации развития промышленности:

в среднем в развитых странах государственная поддержка в 2021 г. составляла около 1,4% ВВП. Между странами существуют значительные различия: от минимальных значений в Ирландии (0,6% ВВП) и Канаде (0,8% ВВП) до 2,2% ВВП во Франции и 2,3% ВВП в Великобритании [20].

В структуре государственной поддержки индустриального развития наибольшую долю составляют налоговые расходы (1,0% ВВП), внутринациональные гранты – в 2,5 раза меньше (0,4% ВВП), гранты Евросоюза в среднем составляют 0,08% ВВП (максимальные в Италии – 0,2%, минимальные – в Дании и Нидерландах – 0,04% ВВП) [21].

Наблюдается неоднородность и мер поддержки: большинство стран (Великобритания, Дания, Нидерланды, Швейцария, Израиль, Канада, Ирландия) отдают предпочтение налоговым мерам, во Франции и Италии преобладают целевые гранты [31]. В среднем 29% всей поддержки направлено на промышленность, прежде всего обрабатывающую, и инфраструктуру (энергетику, транспорт, телекоммуникационные системы) [20].

Формирование промышленной политики с учетом новых вызовов и в ситуации высокой пространственной неоднородности предполагает разграничение функциональной роли регионов и создание информационно-аналитической платформы для диагностики активностей. В настоящее время в России создан действенный программный инструментарий, ориентированный на приоритетные отрасли. Это – государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» [9], которая нацелена на рост обрабатывающих производств, несырьевого неэнергетического экспорта, приоритетных отраслей промышленности, средства которой направляются, в том числе в субфедеральные бюджеты в формате субсидий для софинансирования регионального участия. Стратегической целью программ является развитие сбалансированной промышленности, способной к эффективному саморазвитию, посредством объединения усилий федерации, регионов, отраслей и производств, обеспечения конкурентоспособности российской продукции на внутрисоюзном и мировом рынках, достижение промышленного суверенитета. Кроме того, реализуемая государственная программа РФ «Экономическое развитие и инновационная экономика» [10] способствует созданию макроэкономических условий развития промышленности: благоприятной инвестиционной среды, росту малого и среднего предпринимательства, стимулированию инноваций, сохранению и росту занятости и др.

В рамках данного исследования особый интерес представляет территориальный разрез бюджетной поддержки, включающей государственные закупки и преференции для отдельных отраслей, налоговые льготы регионам и в рамках инвестиционных проектов, кредиты, гранты и др. Авторами предложена методика диагностики агрегированных ресурсов развития на основе индикаторов и данных официальной статистики, отчетов государственных органов власти как платформа и начальный этап для проведения мониторинга ресурсов промышленной политики.

Материалы и методы исследования

Диагностика достаточности ресурсов для перехода на платформу развития промышленного суверенитета в условиях неоднородной бюджетной емкости индустриальных регионов проведена в последовательности, представленной в таблице 1.

В качестве ресурсов развития приняты инвестиции в основной капитал обрабатывающей промышленности и бюджетные ресурсы: профильные программные и налоговые расходы промышленной направленности.

Объектом исследования выбраны 42 индустриальных региона, которые специализируются на выпуске продукции обрабатывающей промышленности, при этом критерием идентификации субъектов анализа принят коэффициент локализации, рассчитанный как среднее арифметическое значений доли занятых и доли отгруженной продукции обрабатывающей промышленности в регионах (лидер промышленности) по сравнению с аналогичными долями по РФ в целом.

Таблица 1. Последовательность этапов диагностики бюджетно-инвестиционных ресурсов развития промышленности

1. Систематизация регионов по целеориентированности государственных программ развития промышленности	
<p>1.1. Формирование блока анализируемых индустриальных регионов по значению коэффициента локализации обрабатывающей промышленности.</p> <p>1.2. Разграничение программ развития промышленности с позиции целеориентированности:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) профильные госпрограммы; 2) подпрограммы в структуре госпрограмм развития экономики; 3) программы развития нескольких отраслей экономики, в числе которых промышленность; 4) отдельные мероприятия в непрофильных программах. <p>1.3. Спецификация регионов по типу реализуемых программ.</p>	
2. Оценка бюджетно-инвестиционных ресурсов развития промышленности регионов	
<p>2.1. Инвестиционные ресурсы характеризуют усилия по саморазвитию промышленности за счет инвестиций в обрабатывающие производства.</p> <p>Индекс инвестиционной емкости ($I_{и,j}$) обрабатывающего производства j-го региона:</p> $I_{и,j} = I_j / ДС_j, \quad (1)$ <p>где I_j – инвестиции в обрабатывающую отрасль j-го региона</p> <p>$ДС_j$ – добавленная стоимость предприятий обрабатывающей отрасли j-го региона.</p>	<p>2.2. Бюджетные ресурсы характеризуют усилия органов власти по стимулированию промышленности в виде:</p> <ol style="list-style-type: none"> а) финансирования государственных программ, реализуемых регионом по развитию промышленности (в том числе на условиях софинансирования и предоставления субсидий из федерального бюджета); б) предоставления налоговых преференций в регионе (налоговых расходов). <p>Индекс бюджетной емкости ($I_{б,j}$) обрабатывающего производства региона:</p> $I_{б,j} = I_{ГП_j} + I_{Н_j} = \frac{ГП_j}{ДС_j} + \frac{НР_j}{ДС_j}, \quad (2)$ <p>где $I_{ГП_j}$ – индекс программного финансирования j-го региона;</p> <p>$I_{Н_j}$ – индекс налоговых расходов j-го региона;</p> <p>$ГП_j$ – расходы на госпрограммы развития промышленности j-го региона;</p> <p>$НР_j$ – налоговые расходы j-го региона.</p>
2.3. Структура бюджетной поддержки	
<p>2.3.1. Коэффициент структуры направлений бюджетной поддержки:</p> $K_б = \frac{I_{и,j}}{I_{ГП_j}}. \quad (3)$	<p>2.3.2. Коэффициент структуры источников программной поддержки:</p> $K_п = \frac{ГП_{рj}}{ГП_{фj}}, \quad (4)$ <p>где $ГП_{рj}$ – финансирование из регионального бюджета;</p> <p>$ГП_{фj}$ – финансирование из федерального бюджета.</p>
3. Компаративистика бюджетно-инвестиционных ресурсов регионов	
<p>3.1. Определение разрывов/ограничений/достаточности инвестиционных и бюджетных ресурсов развития промышленности по метрикам бенчмарков стран ОСЭР.</p> <p>3.2. Систематизация региональных ситуаций в разрезе синтеза ресурсной и профильной поддержки.</p>	

Источник: составлено авторами.

Информационной базой исследования послужили данные за период 2019–2022 гг.:
 - федерального статистического наблюдения регионов России – Росстата (агрегированные в показатели добавленной стоимости, созданной обрабатывающими производствами [13]);

- постановления высших органов власти субъектов РФ об утверждении региональных государственных программ и отчеты по их исполнению [12] (данные о размере субсидий на реализацию государственных программ по федеральным и региональным источникам в разрезе регионов, специализирующихся на обрабатывающей промышленности);

- публикуемая Министерством финансов Российской Федерации информация о налоговых расходах субъектов и их бюджетной обеспеченности [8].

Результаты и их обсуждение

Исследование проводилось с акцентом на бюджетной поддержке промышленности и идентификации целеориентированности программных расходов. Было выявлено наличие государственных программ с разной установкой на промышленные приоритеты (анализировались государственные программы 42 индустриальных регионов).

Пул субъектов РФ разграничен:

- на регионы, реализующие профильные программы, направленные на развитие промышленности, – 20 регионов;
- регионы, где приняты подпрограммы с задачами и мерами по развитию промышленности в составе программ развития экономики, – 10 регионов;
- субъекты, где реализуются программы по развитию комплекса отраслей, в том числе промышленности, – 8 субъектов;
- субъекты, где в непрофильных программах присутствуют отдельные мероприятия по индустриальному развитию, – 2 субъекта (табл. 2).

Таблица 2. Систематизация регионов по целеориентированности государственных программ

Программы регионов: степень целеориентированности	
Профильные госпрограммы по развитию промышленности	Подпрограммы в структуре госпрограмм развития экономики
Республики – Башкортостан, Мордовия, Марий Эл, Татарстан; области – Владимирская, Волгоградская, Воронежская, Кировская, Курганская, Нижегородская, Омская, Орловская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Челябинская, Ярославская (20 регионов)	Край – Алтайский; области – Белгородская, Брянская, Калужская, Костромская, Липецкая, Новгородская, Псковская, Рязанская, Тверская (10 регионов)
Программы развития нескольких отраслей, в числе которых промышленность	Отдельные мероприятия в непрофильных программах
Республики – Удмуртская (П «Развитие промышленности и потребительского рынка»), Чувашская (ПП «Инновационное развитие промышленности»); края – Красноярский (ПП «Развитие инновационной деятельности, промышленности и экспорта»), Пермский (ПП «Развитие промышленности, торговли и инновационное развитие»); области – Архангельская (ПП «Развитие промышленности и инвестиционной деятельности»), Вологодская (ПП «Развитие промышленности, торговля и инновационное развитие»), Ленинградская (ПП «Развитие промышленности и инноваций в Ленинградской области»), Мурманская (ПП «Создание условий для привлечения инвестиций, развития и модернизации промышленного комплекса») (8 регионов)	Области – Ивановская (субсидии управляющим компаниям промышленных (индустриальных) парков, агропромышленных парков, технопарков, промышленных технопарков, др.), Московская (мероприятие «Создание индустриальных (промышленных) парков, промышленных технопарков, инновационно-технологических центров, промышленных площадок»), Тульская (предоставление субсидии уполномоченной организации в сфере создания и развития инфраструктуры индустриальных парков на возмещение затрат, др.), Ульяновская (мероприятие «Развитие промышленных зон», др.) (4 региона)
Принятые сокращения: П – программа, ПП – подпрограмма	

Источник: составлено авторами.

Ключевые показатели бюджетно-инвестиционных ресурсов промышленности по индустриальным регионам (2019–2024 гг.) представлены в таблице 3 (фрагмент).

Заметна высокая дифференциация всех показателей и разнонаправленная динамика. Разрыв между максимальными и минимальными значениями инвестиционной емкости индустриальных регионов увеличился с 5,5 раза в 2019 г. до 8,3 раза в 2022 г., разрыв в налоговых расходах вырос с 32 до 53 раз, бюджетной емкости – в целом снизился (с 132 до 98 раз), но остался на высоком уровне. Отличия индекса программной поддержки составляют более 600 раз в 2019 г. и почти 300 раз в 2022 г., что связано с нестабильностью макроэкономической ситуации и перестройкой направлений бюджетных потоков в связи с шоковыми стрессами (пандемия коронавируса, внешние санкции), а также особенностями учета бюджетных средств (в ряде случаев во время пандемии коронавирусной инфекции поддержка предоставлялась предприятиям-производителям, например, медицинской тех-

ники по государственной программе «Развитие здравоохранения»). Коэффициент структуры программной поддержки варьирует от 0 в ситуации отсутствия финансирования из средств бюджета субъекта РФ (например, в Саратовской области в течение всего анализируемого периода) до 100%, что означает исключительное финансирование со стороны региона (Брянская, Орловская, Тверская, Тульская, Ульяновская области).

Таблица 3. Бюджетно-инвестиционные ресурсы развития промышленности в индустриальных регионах, % (фрагмент)

Субъект РФ	Инвестиционные ресурсы		Бюджетные ресурсы									
	Индекс инвестиционной емкости	Индекс программного финансирования	Индекс налоговых расходов		Индекс бюджетной емкости		Коэффициент структуры направлений бюджетной поддержки		Коэффициент структуры источников программной поддержки			
			2019	2022	2019	2022	2019	2022	2019	2022	2019	2022
Алтайский край	10,4	5,9	0,05	0,03	0,07	0,09	0,12	0,13	1,32	2,73	100	100
Архангельская область	15,6	7,6	0,62	0,69	0,08	1,31	0,70	2,00	0,13	1,89	45,7	75,8
Белгородская область	15,3	10,4	4,35	2,82	0,28	0,32	4,63	3,14	0,06	0,11	76,8	92,2
Брянская область	11,9	12,1	4,99	0,08	1,83	1,33	6,82	1,42	0,37	15,68	100	100
Владимирская область	15,8	9,5	0,02	0,06	0,59	1,43	0,60	1,49	35,16	24,17	0,0	30,3
...												
Самарская область	19,7	16,4	0,03	0,10	1,66	0,93	1,69	1,03	53,76	8,87	55,8	45,5
Свердловская область	8,6	8,4	0,05	0,08	1,72	2,12	1,77	2,20	33,26	27,53	90,5	59,9
...												
Челябинская область	12,8	19,2	0,02	0,12	0,46	0,85	0,46	0,97	22,9	7,4	88,0	72,3
Чувашская Республика	8,7	6,0	5,75	3,51	0,55	0,69	6,30	4,20	0,1	0,2	98,8	95,3
Ярославская область	13,9	17,1	0,00	0,10	0,93	1,26	0,93	1,36	–	12,47	–	67,6
Среднее	16,2	14,7	1,5	1,1	1,2	1,9	2,6	3,0	11,0	10,0	80,5	74,3
Минимум	6,6	5,5	0,02	0,03	0,1	0,1	0,1	0,1	0,03	0,04	0,00	0,00
Максимум	36,1	45,8	12,8	8,8	3,2	5,3	13,2	9,8	56,7	42,8	100	100
Разрыв, раз	5,5	8,3	640	293	32	53	132	98	1890	1070		

Источник: расчеты авторов.

Снижение среднего значения индекса инвестиционной емкости с 16,2 до 14,7%, свидетельствует о нестабильном характере инвестирования в связи с ограничениями и неопределенностью, что в перспективе влечет устаревание основного капитала и может тормозить промышленное развитие индустриально развитых регионов. Одновременно наблюдалась тенденция снижения индекса программного финансирования обрабатывающей промышленности с 1,5 до 1,1% и коэффициента структуры источников программной поддержки, когда доля участия бюджетов субъектов РФ снижалась с 80,5 до 74,3% и усиливалось влияние федерального центра. Регионы активизировали налоговые преференции (увеличение индекса налоговых расходов с 1,2 до 1,9%), что свидетельствовало о сдвиге с прямой поддержки на косвенную и в целом увеличило территориально ориентированную поддержку промышленности (с 2,6 до 3%).

При оценке достаточности инвестиционных и бюджетных ресурсов развития промышленности использован метод сравнения с бенчмарками стран ОЭСР. В качестве критериев достаточности были выбраны средняя инвестиционная емкость – 18,1% ДС (здесь и далее ДС – добавленная стоимость, производимая обрабатывающей промышленностью) в 2019 г. и 20,3% ДС в 2022 г. [24], а также средний индекс бюджетной емкости – 1,4% ДС в 2019 г. и 1,57% ДС в 2022 г., что является правомерным при аналогичности объектов сравнения – высокой неоднородности территорий как ключевой характеристики. Компаративистика российских индустриальных регионов показала, что средние показатели инвестиционной емкости (16,2% ДС в 2019 г. и 14,7% ДС в 2022 г.) ниже критериального значения, но данное обстоятельство объяснимо отличием статуса России как страны с более низким уровнем экономического развития. Средний индекс бюджетной емкости в РФ (3% ДС) выше, чем пороговое значение стран, уже продвинувшихся в реализации политики формирования промышленного суверенитета.

Позиционно-динамическое диагностирование регионов по параметрам ресурсной обеспеченности промышленного развития (рис. 1) показывает ситуацию своеобразного «эффекта замещения частных инвестиций государственными», что обусловлено форс-мажорными условиями развития: заметен сдвиг в соотношении ресурсного обеспечения в 2022 г. – снижение инвестиционной емкости и увеличение бюджетной поддержки. В то же время «разрыв» между регионами по достаточности ресурсов очевиден, в связи с этим можно выделить следующие типы ситуаций по ресурсной обеспеченности развития промышленности:

I – соответствие «условным бенчмаркам» – у регионов этой зоны по составляющим ресурсной поддержки отмечается «нормальная» ситуация исходя из санкционных условий развития экономики РФ;

II – ситуация с действием «эффектов замещения» – ограниченность инвестиционных ресурсов компенсируется бюджетной поддержкой;

III – акцент на ресурсы саморазвития региона и ограниченность бюджетной поддержки;

IV – ограниченность совокупных ресурсов как инвестиционных, так и бюджетных.

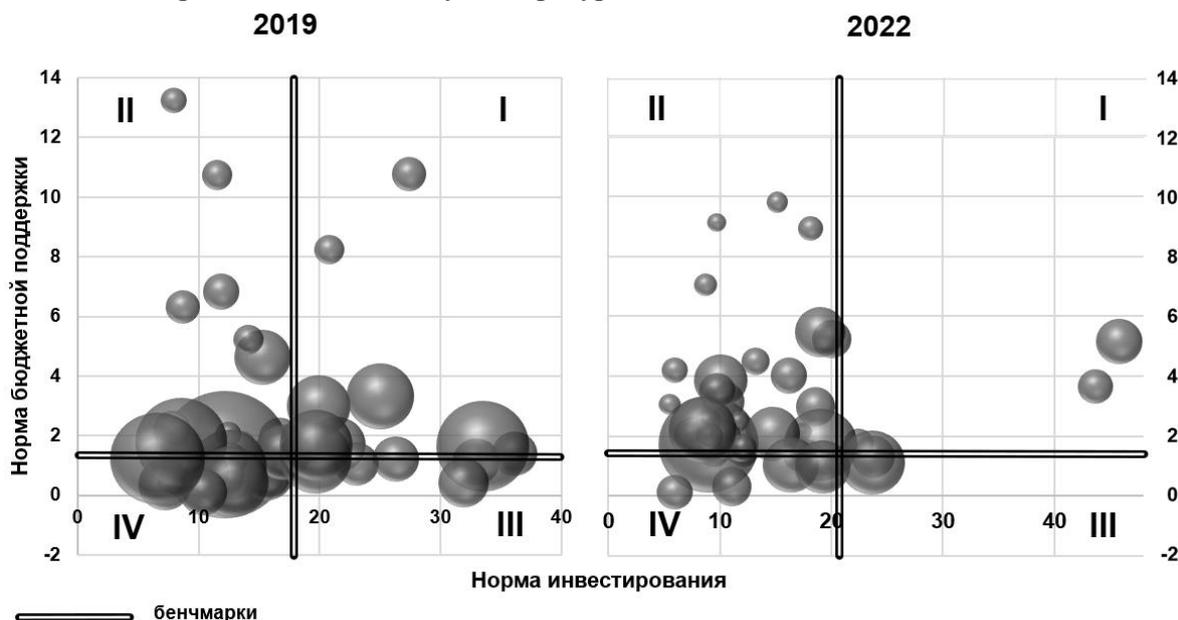

Рис. 1. Позиционно-динамическое диагностирование регионов по ресурсной обеспеченности промышленного развития по зонам: I – достаточность ресурсов; II – компенсаторная поддержка; III – бюджетная ограниченность; IV – ресурсная ограниченность

Источник: рисунок авторов.

Позиционно-динамическое диагностирование ситуаций регионов с 2019 по 2022 г. в таблице 4 визуализирует результаты изменений ресурсной обеспеченности с акцентом на наличие поддержки промышленности профильными программами.

Таблица 4. Информационная карта в разрезе ресурсной и профильной поддержки развития промышленности

Региональные ситуации соответствия/отклонений от условных бенчмарков			
2019 г.		2022 г.	
I – ситуация соответствия	II – акцент на бюджетную поддержку	I – ситуация соответствия	II – акцент на бюджетную поддержку
Республика Татарстан, Пермский край, Воронежская, Мурманская, Орловская, Самарская, Смоленская, Ленинградская, Тамбовская области (9 регионов)	Республики Мордовия, Марий Эл, Чувашская, Белгородская, Брянская, Волгоградская, Ивановская, Калужская, Московская, Новгородская, Псковская, Свердловская, Ульяновская области (13 регионов)	Калужская, Омская, Ленинградская области (3 региона)	Республики Марий Эл, Башкортостан, Мордовия, Чувашская, Татарстан, Удмуртская, Пермский край, Архангельская, Белгородская, Волгоградская, Вологодская, Ивановская, Кировская, Курганская, Московская, Мурманская, Нижегородская, Новгородская, Орловская, Пензенская, Псковская, Рязанская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ульяновская области (28 регионов)
III – акцент на ресурсы саморазвития	IV – ограниченность совокупной ресурсной поддержки	III – акцент на ресурсы саморазвития	IV – ограниченность совокупной ресурсной поддержки
Липецкая, Вологодская, Нижегородская Омская, Тульская, области (5 регионов)	Республики Башкортостан, Удмуртская, Алтайский, Красноярский края, Архангельская, Владимирская, Кировская, Костромская, Курганская, Пензенская, Рязанская, Саратовская, Тверская, Челябинская и Ярославская области (15 регионов)	Красноярский край, Воронежская область (2 региона)	Алтайский край, Брянская, Владимирская, Костромская, Липецкая, Самарская, Саратовская, Челябинская, Ярославская, области (9 регионов)

Примечание: полужирным шрифтом выделено наличие профильных программ развития промышленности в регионе, заливкой – зона наибольшего сосредоточения регионов.

Источник: составлено авторами по результатам расчетов.

Таблица 4 дополнена информационными картами (рис. 2), данные которых демонстрируют следующее:

- преимущественным инструментом бюджетной поддержки в индустриальных регионах являются налоговые преференции;
- в большинстве регионов финансирование промышленности осуществляется за счет региональных средств;
- федеральная помощь преобладает только в 6 регионах.

Структура бюджетной поддержки:

- налоговые расходы
- программное финансирование

значение коэффициента структуры источников программной поддержки ◆

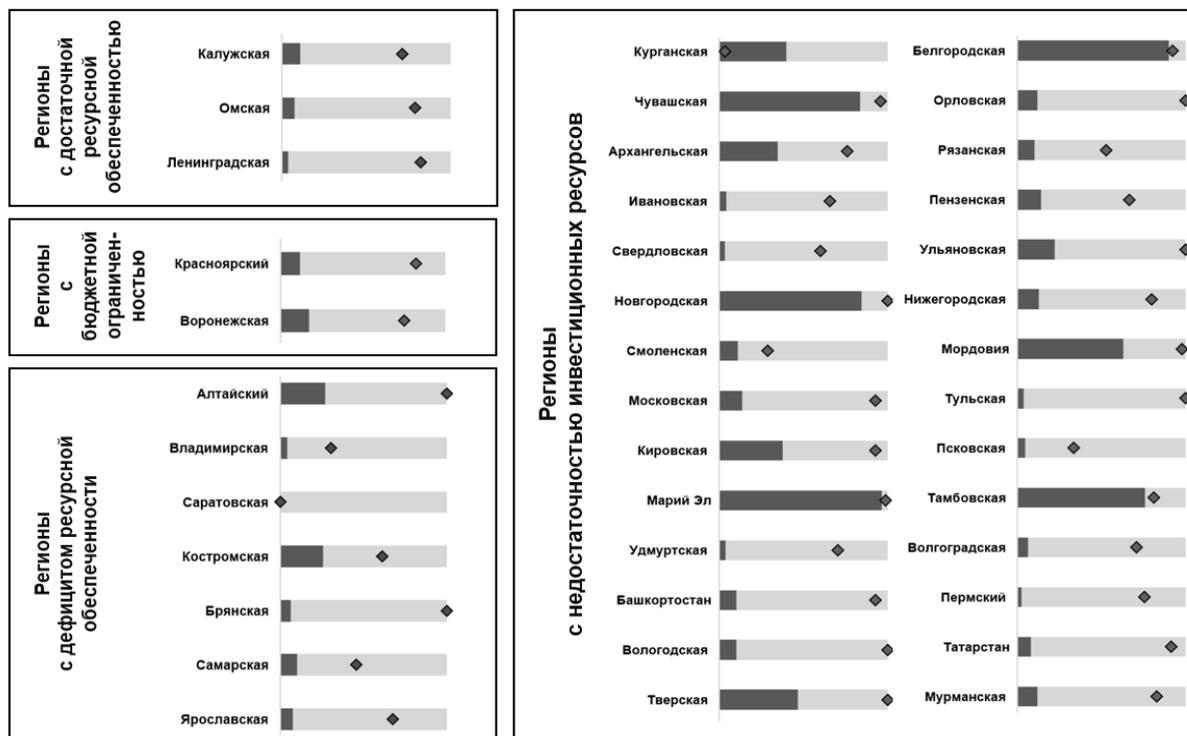

Рис. 2. Информационная карта структуры бюджетной поддержки и структуры источников программной поддержки

Источник: рисунок авторов.

Достаточными ресурсами саморазвития в 2019 г. (по индексу инвестиционной емкости) и весомым участием бюджетной поддержки по принятым бенчмаркам отличаются 9 субъектов федерации (21% от общего числа индустриальных регионов). Для этих субъектов была характерна высокая доля регионального финансирования (в т.ч. 100% в 4 регионах). В то же время группа достаточно разнородна по структуре бюджетной поддержки: низкое соотношение финансирования госпрограмм и налоговых расходов отмечено в Тамбовской области (0,16) и высокое – в Смоленской (57,0). По итогам 2022 г. эта группа сократилась в 3 раза (3 региона, 7%), сохранила позиции только Ленинградская область.

Группа регионов, характеризующихся ограниченными инвестиционными возможностями, но с компенсационной поддержкой бюджетного финансирования промышленности, в 2022 г. была самой многочисленной (28 регионов, 67%), в базовом периоде в нее входило только 13 регионов (31% от общего количества). В группу перешли регионы, у которых наблюдалось снижение инвестиционной емкости: Республика Татарстан, Пермский край, Мурманская, Орловская, Смоленская области. Компенсация разрывов достигнута преимущественно за счет средств бюджетов субъектов РФ (средний коэффициент структуры источников программного финансирования составляет 76%, за исключением Курганской области – 3%).

Группа с акцентом в ресурсах развития на инвестиции, но с ограниченной бюджетной составляющей (5 регионов в 2019 г. и 2 региона в 2022 г.) также характеризуется высоким участием бюджетных средств региона (в среднем 80%), поэтому увеличение федеральной поддержки этих регионов будет способствовать активизации развития промышленности.

Особого внимания требуют регионы, у которых оба показателя ниже порогового значения, таких регионов в 2019 г. было 15 (36%), в 2022 г. – 9 (21%). Наблюдается значительное разнообразие промышленного профиля регионов данной группы при схожих частных показателях: Владимирская и Ярославская области, где преобладают высокотехнологичные производства, а также Челябинская область со специализацией в средне-низкотехнологичной металлургической промышленности [2]. Эти регионы характеризуются инвестиционной емкостью на уровне 13–15% (то есть с отклонением от порогового значения в пределах 20%), но имеют невысокие показатели бюджетной поддержки промышленности. Активность регионов в федеральных проектах позволила бы укрепить позиции в развитии промышленности страны.

Детализированы данные по бюджетно-инвестиционным ресурсам развития индустриальных регионов в рамках группировки по целеориентированности программной поддержки, в связи с чем полужирным шрифтом в таблице 5 выделены регионы, в которых приняты профильные программы развития промышленности, при этом следует обратить внимание на их локализацию в группах I и II с наличием соответствия ресурсной поддержки принятым бенчмаркам.

Таблица 5. Бюджетно-инвестиционные ресурсы развития промышленности регионов в разрезе целеориентированности государственных программ (средние данные за 2022 г.)

Индекс инвестиционной емкости	Индекс программного финансирования	Индекс налоговых расходов	Индекс бюджетной емкости	Коэффициент структуры направлений бюджетной поддержки	Коэффициент структуры источников программной поддержки	Бюджетная обеспеченность
1. Профильные госпрограммы, направленные на развитие промышленности (20 регионов)						
15,1	1,3	1,8	3,1	8,7	66,6	0,819
2. Подпрограммы в структуре госпрограмм развития экономики (10 регионов)						
12,8	1,1	1,1	2,2	6,6	76,9	0,874
3. Программы развития нескольких отраслей экономики, в числе которых промышленность (8 регионов)						
17,8	0,7	2,9	3,6	15,3	83,0	1,058
4. Отдельные мероприятия в непрофильных программах (4 региона)						
11,5	0,4	2,7	3,1	14,4	89,6	0,935
Средняя по всем регионам						
14,7	1,1	1,9	3,0	10,0	74,3	0,889

Примечание: темной заливкой выделены максимальные значения, светлой – минимальные.

Источник: составлено авторами.

Заметно, что фокус развития промышленности совпадает с высоким индексом бюджетной емкости (группа регионов I), в том числе и по величине индекса программных расходов, при этом софинансируемых федеральным бюджетом (средний коэффициент структуры источников – 66,6%). Совмещенные программы развития нескольких отраслей, включая промышленность, свойственны регионам с высокой (в среднем) бюджетной обеспеченностью (1,06) и высоким индексом налоговых расходов (2,9), что логично при высокой инвестиционной емкости обрабатывающей промышленности: регионы могут позволить применять косвенные стимулы для бизнеса в виде налоговых преференций. Наименее определенная ситуация и по бюджетной емкости, и по активности

инвестиций в промышленности у регионов, в которых мероприятия развития промышленности реализуются в рамках одной из подпрограмм развития экономики, что предполагает применение косвенных мер, стимулирующих налоговыми льготами бизнес региона и низкую целеориентированность.

Очевидно, что современная ситуация внешних ограничений влияет на ресурсы федерального бюджета и требует их концентрации на приоритетных направлениях – прежде всего развитии промышленности высокотехнологичных регионов с низкой бюджетной обеспеченностью и ресурсов развития промышленности в целом.

Выводы

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы о ресурсной обеспеченности реализации политики промышленного суверенитета регионов, специализирующихся на обрабатывающих производствах:

- во-первых, не все индустриальные регионы имеют государственные программы с целевым фокусом программных расходов на «встраивании» в новую промышленную повестку;

- во-вторых, только 7% индустриальных регионов характеризуются достаточностью бюджетно-инвестиционных ресурсов на уровне стран, продвинувшихся в реализации политики формирования промышленного суверенитета, и хотя в большинстве регионов (67%) созданы условия, способствующие усилению промышленного суверенитета в виде совокупности мер бюджетно-налогового стимулирования, сокращается, но остается значительным количество регионов (21%), в которых ограничены и инвестиционные, и бюджетные ресурсы развития промышленности;

- в-третьих, условия, наиболее благоприятствующие достижению промышленного суверенитета, сложились в регионах, имеющих профильные программы государственной поддержки промышленного развития и комплексные программы развития нескольких отраслей, включая промышленность;

- в-четвертых, значительны межрегиональные отличия в мерах государственной поддержки промышленности, при том что явные «разрывы/ограничения» развития индустриальных регионов предполагают необходимость мониторинга ситуации со стороны государственных органов власти и коррекции оперативных и программных решений.

Приведенная выше аргументация свидетельствует о необходимости информационного обеспечения и экспертного анализа трансформации ресурсного обеспечения промышленного развития регионов. Полученные результаты являются начальным этапом в процессе разработки системы индикаторов состояния и динамики ресурсов промышленной политики, эмпирической основой для предложений по формированию стимулов укрепления промышленного суверенитета РФ в условиях геополитической напряженности и санкционных мер.

Список источников

1. Абу-Абед Ф.Н., Применение технологий интеллектуального управления и бизнес-проектирования Индустрии 5.0 в Майнинге 5.0 // Экономика и управление инновациями. 2022. № 3(22). С. 50–59. DOI: 10.26730/2587-5574-2022-3-50-59.

2. Данилова И.В., Правдина Н.В. Маркеры разблокировки траектории развития монопрофильных регионов РФ // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2023. Т. 17, № 1. С. 24–35. DOI: 10.14529/em230102.

3. Дударев К. Комментарии экспертов РСМД: Саудовская НЭП и перспективы развития связей между Россией и Саудовской Аравией [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. Дата публикации: 03.08.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/saudovskaya-nep-i-perspektivy-razvitiya-svyaizeymezhdu-rossiey-i-saudo/> (дата обращения: 13.05.2025).

4. Закон об американском плане спасения от 2021 года, принятый 117-м Конгрессом США и подписанный Президентом 11 марта 2021 г. [Электронный ресурс] // Советы по налогообложению TAS (Taxpayer Advocate Service). Сводка индивидуальных налоговых изменений по годам. URL: <https://ru.taxpayeradvocate.irs.gov/news/tax-tips/tas-tax-tips-american-rescue-plan-act-of-2021-individual-tax-changes-summary-by-year/2021/03> (дата обращения: 10.05.2025).

5. Иванов П.А. Бюджетно-финансовые аспекты развития промышленности в российских регионах // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 11–1 (105). С. 216–218. DOI: 10.24412/2411-0450-2023-11-1-212-215.
6. Лешаков П.С. Экономика Республики Корея в условиях новых глобальных вызовов // Современные проблемы Корейского полуострова: сборник статей российских корееведов. Москва: ИКСА РАН, 2022. С. 196–206. DOI: 10.48647/IFES.2022.88.21.021.
7. Малкина М.Ю. Промышленность российских регионов в условиях новых антироссийских санкций // Пространственная экономика. 2024. Т. 20, № 3. С. 39–66. DOI: 10.14530/se.2024.3.039-066.
8. Налоговые расходы субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/policy/gaskhod/sub/> (дата обращения: 01.05.2025).
9. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (с изменениями и дополнениями): Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 328 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70643464/> (дата обращения: 18.04.2025).
10. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» (с изменениями и дополнениями): Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 316 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70644224/> (дата обращения: 18.04.2025).
11. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (дата обращения: 18.04.2025).
12. Открытые данные – информация о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, размещенная в сети «Интернет» [Электронный ресурс] // Набор открытых данных Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/opendata/> (дата обращения: 18.04.2025).
13. Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Статистические издания. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 20.04.2025).
14. Aiginger K., Ketels C. Industrial policy reloaded // Journal of Industry, Competition and Trade. 2024. Vol. 24(1). Pp. 1–10. DOI: 10.1007/s10842-024-00415-8.
15. Aiginger K., Rodrik D. Rebirth of Industrial Policy and an Agenda for the Twenty-First Century // Journal of Industry, Competition and Trade. 2020. Vol. 20. Pp. 189–207. DOI: 10.1007/s10842-019-00322-3.
16. Alcorta L. Industrial Policy for Prosperity: Reasoning and Approach // UNIDO Working Paper. No. 02/2011. Vienna, 2011.
17. Andreoni A., Chang H. The Political Economy of Industrial Policy: Structural Interdependencies, Policy Alignment and Conflict Management // Structural Change and Economic Dynamics. 2019. Vol. 48. Pp. 136–150. DOI: 10.1016/j.strueco.2018.10.007.
18. Business R&D structure and dynamics and the impact of public support for business R&D. The OECD microBeRD // Organisation for Economic Co-operation and Development Official Website. URL: <https://www.oecd.org/en/about/projects/microberd.html>.
19. Crespi F., Caravella S., Menghini M. et al. European Technological Sovereignty: An Emerging Framework for Policy Strategy // Intereconomics. 2021. Vol. 56. Pp. 348–354. DOI: 10.1007/s10272-021-0987-4.
20. Criscuolo C., Díaz L., Guillouet L. et al. Quantifying industrial strategies across nine OECD countries // OECD Science, Technology and Industry Policy Papers. 2023. No. 150. DOI: <https://10.1787/5f2dcc8e-en>.
21. Criscuolo C., Gonne N., Kitazawa K. An industrial policy framework for OECD countries: Old debates, new perspectives // OECD Science, Technology and Industry Policy Papers. 2022. No. 127. DOI: 10.1787/0002217c-en.
22. Günther T. Interaction between competition and industrial policies // Item 6 of the provisional agenda. United Nations Conference on Trade and Development. Geneva, 2023. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ciclpd69_en.pdf.
23. Industrial Strategy: building a Britain fit for the future // GOV.UK Policy paper. GOV.UK. Publication date: November 27, 2017. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/industrial-strategy-building-a-britain-fit-for-the-future>.
24. Investment: % of GDP // CEIC Data Official Website. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/investment--nominal-gdp>.
25. Jansen P., Devroe W. Industrial policy, competition policy and strategic autonomy (Chapter 3) // EU Industrial Policy in the Multipolar Economy. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2022. Pp. 80–121. DOI: 10.4337/9781800372634.00008.
26. Lane N., Juhász R. Economics Must Catch Up on Industrial Policy // Promarket Special on Industrial Policy. March 14, 2023. URL: <https://www.promarket.org/2023/03/14/economics-must-catch-up-on-industrial-policy/>.
27. Made in China 2025: Global Ambitions Built on Local Protections // U.S. Chamber of Commerce. Official Website. Publication date: March 16, 2017. URL: https://www.uschamber.com/assets/archived/images/final_made_in_china_2025_report_full.pdf.
28. Mazzucato M., Rodrik D. Industrial Policy with Conditionality: A Taxonomy and Sample Cases // UCL Institute for Innovation and Public Purpose, Working Paper Series: IIPP WP 2023-07. London, 2023. URL: <https://www.ucl.ac.uk/bartlett/publicpurpose/wp2023-07>.

29. McNamara K.R. Transforming Europe? The EU's industrial policy and geopolitical turn // *Journal of European Public Policy*. 2023. Vol. 31(9). Pp. 2371–2396. DOI: 10.1080/13501763.2023.2230247.
30. OECD microBeRD Project. Business R&D structure and dynamics and the impact of public support for business R&D // Organisation for Economic Co-operation and Development Official Website. URL: <https://www.oecd.org/en/about/projects/microberd.html>.
31. O'Sullivan E., Andreoni A., Lopez-Gomez C. et al. What is new in the new industrial policy? A manufacturing systems perspective // *Oxford Review of Economic Policy*. 2013. Vol. 29(2). Pp. 432–462. DOI: 10.1093/oxrep/grt027.
32. Regulation (EC) No. 794/2004 of the European Commission (State Aid Scoreboard) // European Commission Official Website. URL: https://competition-policy.ec.europa.eu/stateaid/scoreboard/scoreboard-state-aid-data_en.
33. Schmitz L., Seidl T. As open as possible, as autonomous as necessary: Understanding the rise of open strategic autonomy in EU trade policy // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2023. Vol. 61(3). Pp. 834–852. DOI: 10.1111/jcms.13428.
34. Schneider E. Germany's Industrial Strategy 2030. EU Competition Policy and the Crisis of New Constitutionalism // *New Political Economy*. 2023. Vol. 28(2). Pp. 241–258. DOI: 10.1080/13563467.2022.2091535.
35. Your hub for data-driven STI policy analysis and advice // STIP Compass portal. URL: <https://stip.oecd.org/stip>.

References

1. Abu-Abed F.N. Application of intelligent management technologies and business design of industry 5.0 in mining 5.0. *Economics and Innovation Management*. 2022;3(22):50-59. DOI: 10.26730/2587-5574-2022-3-50-59. (In Russ.).
2. Danilova I.V., Pravdina N.V. Markers for unblocking the development trajectory of the Russian Federation's mono-profile regions. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*. 2023;17(1):24-35. DOI: 10.14529/em230102. (In Russ.).
3. Dudarev K. Comments by RIAC Experts: Saudi NEP and Prospects for the Development of Relations Between Russia and Saudi Arabia. Russian International Affairs Council. Publication date: 03.08.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/saudovskaya-nep-i-perspektivy-razvitiya-svyazey-mezhdu-rossiyei-i-saudoi/>. (In Russ.).
4. American Rescue Plan Act of 2021 passed by the 117th U.S. Congress and signed by the President on March 11, 2021. TAS Tax Tips: individual tax changes summary by year. URL: <https://ru.taxpayeradvocate.irs.gov/news/tax-tips/tas-tax-tips-american-rescue-plan-act-of-2021-individual-tax-changes-summary-by-year/2021/03>. (In Russ.).
5. Ivanov P.A. Budgetary and financial aspects of industrial development in Russian regions. *Economics and Business: theory and practice*. 2023;11-1(105):216-218. DOI: 10.24412/2411-0450-2023-11-1-212-215. (In Russ.).
6. Leshakov P.S. The Economy of the Republic of Korea under New Global Challenges. In: Korean Peninsula: Current Issues: collection of articles by Russian Koreanologist. Moscow: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences Publishers; 2022:196-206. DOI: 10.48647/IFES.2022.88.21.021. (In Russ.).
7. Malkina M.Yu. Industry in Russian Regions under new anti-Russian sanctions. *Spatial Economics*. 2024;20(3):39-66. DOI: 10.14530/se.2024.3.039-066. (In Russ.).
8. Tax expenditures of the subjects of the Russian Federation. Official Website of the Ministry of Finance of the Russian Federation. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/policy/raskhod/sub/>. (In Russ.).
9. On Approval of the State Program of the Russian Federation "Development of Industry and Improvement of its Competitiveness" (amended and restated): Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 No. 328. URL: <https://base.garant.ru/70643464/>. (In Russ.).
10. On Approval of the State Program of the Russian Federation "Economic Development and Innovative Economy" (amended and restated): Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 No. 316. URL: <https://base.garant.ru/70644224/>. (In Russ.).
11. On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 28.02.2024 No. 145. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358>. (In Russ.).
12. Open Data – information on the activities of state bodies and local governments, posted on the Internet. Set of open data of the Ministry of Justice of the Russian Federation. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/opendata/>. (In Russ.).
13. Regions of Russia. Social and Economic Indicators. Official Website of the Federal State Statistics Service. Statistical publications. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>. (In Russ.).
14. Aiginger K., Ketels C. Industrial policy reloaded. *Journal of Industry, Competition and Trade*. 2024;24(1):1-10. DOI: 10.1007/s10842-024-00415-8.
15. Aiginger K., Rodrik D. Rebirth of Industrial Policy and an Agenda for the Twenty-First Century. *Journal of Industry, Competition and Trade*. 2020;20:189-207. DOI: 10.1007/s10842-019-00322-3.
16. Alcorta L. Industrial Policy for Prosperity: Reasoning and Approach. *UNIDO Working Paper*. No. 02/2011. Vienna, 2011.
17. Andreoni A., Chang H. The Political Economy of Industrial Policy: Structural Interdependencies, Policy Alignment and Conflict Management. *Structural Change and Economic Dynamics*. 2019;48:136-150. DOI: 10.1016/j.strueco.2018.10.007.

18. Business R&D structure and dynamics and the impact of public support for business R&D. The OECD microBeRD. Organisation for Economic Co-operation and Development Official Website. URL: <https://www.oecd.org/en/about/projects/microberd.html>.
19. Crespi F., Caravella S., Menghini M. et al. European Technological Sovereignty: An Emerging Framework for Policy Strategy. *Intereconomics*. 2021;56:348-354. DOI: 10.1007/s10272-021-0987-4.
20. Criscuolo C., Díaz L., Guillouet L. et al. Quantifying industrial strategies across nine OECD countries. OECD Science, Technology and Industry Policy Papers. 2023. No. 150. DOI: <https://10.1787/5f2dcc8e-en>.
21. Criscuolo C., Gonne N., Kitazawa K. An industrial policy framework for OECD countries: Old debates, new perspectives. OECD Science, Technology and Industry Policy Papers. 2022. No. 127. DOI: 10.1787/0002217c-en.
22. Günther T. Interaction between competition and industrial policies. Item 6 of the provisional agenda. United Nations Conference on Trade and Development. Geneva, 2023. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ciclpd69_en.pdf.
23. Industrial Strategy: building a Britain fit for the future. GOV.UK Policy paper. GOV.UK. Publication date: November 27, 2017. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/industrial-strategy-building-a-britain-fit-for-the-future>.
24. Investment: % of GDP. CEIC Data Official Website. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/investment--nominal-gdp>.
25. Jansen P., Devroe W. Industrial policy, competition policy and strategic autonomy (Chapter 3). In: EU Industrial Policy in the Multipolar Economy. Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2022:80-121. DOI: 10.4337/9781800372634.00008.
26. Lane N., Juhász R. Economics Must Catch Up on Industrial Policy. Promarket Special on Industrial Policy. March 14, 2023. URL: <https://www.promarket.org/2023/03/14/economics-must-catch-up-on-industrial-policy/>.
27. Made in China 2025: Global Ambitions Built on Local Protections. U.S. Chamber of Commerce. Official Website. Publication date March 16, 2017. URL: https://www.uschamber.com/assets/archived/images/final_made_in_china_2025_report_full.pdf.
28. Mazzucato M., Rodrik D. Industrial Policy with Conditionality: A Taxonomy and Sample Cases. UCL Institute for Innovation and Public Purpose, Working Paper Series: IIPP WP 2023-07. London, 2023. URL: <https://www.ucl.ac.uk/bartlett/publicpurpose/wp2023-07>.
29. McNamara K.R. Transforming Europe? The EU's industrial policy and geopolitical turn. *Journal of European Public Policy*. 2023;31(9):2371-2396. DOI: 10.1080/13501763.2023.2230247.
30. OECD microBeRD Project. Business R&D structure and dynamics and the impact of public support for business R&D. Organisation for Economic Co-operation and Development Official Website. URL: <https://www.oecd.org/en/about/projects/microberd.html>.
31. O'Sullivan E., Andreoni A., Lopez-Gomez C. et al. What is new in the new industrial policy? A manufacturing systems perspective. *Oxford Review of Economic Policy*. 2013;29(2):432-462. DOI: 10.1093/oxrep/grt027.
32. Regulation (EC) No. 794/2004 of the European Commission (State Aid Scoreboard). European Commission Official Website. URL: https://competition-policy.ec.europa.eu/stateaid/scoreboard/scoreboard-state-aid-data_en.
33. Schmitz L., Seidl T. As open as possible, as autonomous as necessary: Understanding the rise of open strategic autonomy in EU trade policy. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2023;61(3):834-852. DOI: 10.1111/jcms.13428.
34. Schneider E. Germany's Industrial Strategy 2030. EU Competition Policy and the Crisis of New Constitutionalism. *New Political Economy*. 2023;28(2):241-258. DOI: 10.1080/13563467.2022.2091535.
35. Your hub for data-driven STI policy analysis and advice. STIP Compass portal. URL: <https://stip.oecd.org/stip>.

Информация об авторах

И.В. Данилова – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории, региональной экономики, государственного и муниципального управления ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет», danilovaiv@susu.ru.

Н.Ю. Коротина – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической безопасности ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет», nkorotina@susu.ru.

В.П. Деева – преподаватель кафедры экономической безопасности ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет», deevavp@susu.ru.

Information about the authors

I.V. Danilova, Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Professor, the Dept. of Economic Theory, Regional Economics, State and Municipal Management, South Ural State University, danilovaiv@susu.ru.

N.Yu. Korotina, Doctor of Economic Sciences, Professor, the Dept. of Economic Security, South Ural State University, nkorotina@susu.ru.

V.P. Deeva, Lecturer, the Dept. of Economic Security, South Ural State University, deevavp@susu.ru.

Статья поступила в редакцию 26.08.2025; одобрена после рецензирования 01.10.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 26.08.2025; approved after reviewing 01.10.2025; accepted for publication 10.10.2025.

© Данилова И.В., Коротина Н.Ю., Деева В.П., 2025